

Однажды у нас на встрече со зрителями артист театра и кино Владимир Яковлевич Самойлов-обмолвился, что актером стал случайно. Нельзя ли прочитать в вашей газете о том, как это произошло? И что было раньше?
г. Балашиха.

С. ТРУСОВА.

● Ответить на письмо читательницы мы попросили журналиста Л. Днепровского, который встретился с народным артистом РСФСР В. Я. САМОЙЛОВЫМ и записал его рассказ.

РОДИЛСЯ я в Одессе, в марте 1924 года. Отец работал слесарем в трамвайном депо, но вскоре он, выходец из морской семьи, пошел по стопам своего родителя, поступил в Морфлот, работал мотористом, механиком, подолгу оставаясь в плавании.

Случалось, когда отец уходил в плавание по Крымско-Кавказской линии, он брал с собой и меня, если в это время были школьные каникулы. Незабываемые дни! Тогда и решил, что непременно стану моряком. Да и родился и рос я на Черном море, другим, казалось, воздухом, кроме морского, дышать не смогу. После седьмого класса подал документы в мореходное училище, но меня не приняли из-за зрения, которое стало у меня рано портиться.

Детство... О нем иногда вспоминаешь с улыбкой, но иногда и вздрагивая. Помню, любил за-

бираться на чердак высоченного дома, оттуда — на крышу, чтобы пройтись перед наблюдавшими внизу приятелями почти у самой ее кромки... Недавно довелось быть в Одессе, стоял я у этого дома и все думал: зачем, для чего? Форсил, рискуя разбиться насмерть. Жутковато стало...

Когда ж это было — первое приобщение к сцене? Кажется, лет мне тринадцать исполнилось... Вместе с приятелем играл небольшой скетч «Охов и Ахов». То выступление не «отравило» меня театром. Просто, как многие в детстве, любил что-то или кого-то изображать.

На нашей улице жила девочка, имя которой известно не только каждому пионеру, но и многим взрослым, — Гуля Королева. В то время, о котором я рассказываю, она снималась в фильме «Дочь партизана». Так вот, когда мы готовили «Охова и Ахова», Гуля принесла нам со студии коробку грима. Помню, как приятно поразил меня запах грима — настолько, что, готовясь к первому в своей жизни выходу на сцену, я переусердствовал, сидя перед зеркалом.

Второе приобщение — в седь-

мом классе. Учительница русского языка и литературы Вера Рафаиловна организовала в школе драмкружок, в котором занимался и я. (А может, и правда — уже «отравился», только сам еще этого не понимал?) Готовился вечер выпускников того года. В небольшом отрывке из «Маскарада» семиклассник изображал... Арбенина, ни больше ни меньше. Помните, сцена с Ниной — «Что слезы женские? Вода...». Наверное, было очень смешно, когда эти слова произносил 14-летний мальчик.

Война... Я очень хорошо помню первые дни. Бомбежки, которые были самым страшным ощущением войны в не оккупированной еще Одессе. Одна бомба упала возле нашего дома, но, к счастью, не взорвалась. Мы с ребятами вырыли глубокую траншею и прятались там во время бомбежек, наивно полагая, что уж теперь-то мы стали недостижимыми для любой бомбы. Однажды принесли даже в эту траншею патефон и во время налета ставили пластинку, надеясь заглушить свист бомб и канонаду зениток. Прятались и в катакомбах.

На следующий же день после

● В. Я. САМОЙЛОВ.

освобождения Одессы пошел я с дружкой своим, Толиком, в военкомат. Дали десять дней на сборы и затем со сборного пункта — маршевым ходом к Днестру. Форсирование этой реки и стало первым моим боевым крещением. Я тогда едва не утонул, просто чудом уцелел. Перебрались, закрепились на берегу и держали оборону долго, недели три... Так и воевал, привыкал к фронтовой ежедневности.

Как говорится, «ни сном ни духом»...

Помню, однажды был в «секрете». Тихо вокруг, спокойно. Только комары изводят. Накануне не спал три ночи. Ну и задремал. Даже комары не помешали. Открываю глаза, ночь почти на исходе, вот-вот начнет светать. Вдруг вижу: передо мной... фашист! Стоит, а в руках у него направленный на меня автомат. «Не может быть, — думаю, — с чего бы ему здесь стоять? Откуда ему взяться? Выстрелов не было, значит, боя — тоже...».

Никакого немца передо мной не было. В предрассветный час за человеческую фигуру я принял дерево, а ветку его, растущую почти перпендикулярно стволу, принял за руку с автоматом.

Успокоился, вдруг почувствовал, что что-то произошло с лицом. Будто горит оно. Когда вернулся в расположение своего взвода, глянул в зеркальце — лицо сильно распухло от комариных укусов. Ребята долго смеялись: «Красавчик! Хоть сейчас под венец!..».

Нас, молодых, отобрали для переподготовки, отправили в Бессарабию: решено было, как мы говорили, «делать из нас

сержантов». Но я так и не выучился «на сержанта», ушел в маршевую роту, с которой сразу оказался на передовой. Был минометчиком. Так с минометом и дошел до Одера, до г. Бреслау, который долго не могли взять... В мае сорок пятого попал в госпиталь, в котором провалялся полгода...

Демобилизовался, добрался до Одессы. Мать и отец (он уже вернулся с фронта) счастливо улыбались. Обычная в то время встреча, такая же, как, наверное, во многих семьях, где возвращался домой фронтовик, — слезы, бесконечные расспросы, чарка с нехитрой закуской и снова слезы матери, которая все еще не верила, что мы оба — муж и сын — живы.

Надо было думать о том, что делать дальше. Хотел учиться. До войны окончил 9 классов, да и то за четыре года все перезабыл. О мореходке и думать перестал: все равно не возьмут из-за зрения.

Как-то встречаю знакомого парня, он и говорит:

— Чего ты маешься? Давай поступать в театральное училище.

— А что для этого надо? —

спрашиваю. — Школу-то я не окончил...

— Обойдется, — отвечает. — Басню надо прочитать, ну еще — отрывок из прозы.

На фронте мне доводилось участвовать в солдатской самодеятельности, читал стихи Симонина, публицистические антифашистские статьи Эренбурга, которые слушались не менее внимательно, чем поэзия и беллетристика. Выступал на коротких привалах.

Послушал своего приятеля, выучил гоголевскую «Тройку» (басню я знал) и пошел поступать в театральное училище. Председатель приемной комиссии прослушал меня и сказал:

— Вот что: на втором курсе не хватает мужиков, давай иди на второй курс учиться.

Судьба сделала совершенно неожиданный для меня зигзаг, который и определил мое будущее.

Я же, как говорится, «ни сном ни духом»...

...Что значит — сложившаяся судьба? Сложилась ли она у меня? Со стороны взглянуть — возможно. Но все так относительно. Да и не должно, мне кажется, быть в жизни абсолюта: жизнь стала бы неинтересной...